

ПУБЛИКАЦИИ ЭКСКЛЮЗИВ «ГОРДОНА»

Российский филолог: Даже Путин раньше говорил "в Украине", это прямо зависело от успешности переговоров по газу

В интервью изданию "ГОРДОН" кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка Российской академии наук Ирина Левонтина рассказала, почему выражение "Немцов мост" стало выражением года, как слово "скрымить" вошло в немецкий язык и какой у него русский аналог, помогла разобраться со словами "вата", "укроп" и "колорад" и поставила точку в споре предлогов "в" и "на" со словом "Украина".

4 января, 2016 10:00

Ирина Левонтина:
Британских судей во время процесса Березовского против Абрамовича поразили слова "откат" и "крыша", которые нельзя было даже перевести
Фото: Александр Захаров / Gordonua.com

Александр ЗАХАРОВ

Филолог Ирина Левонтина много лет изучает, как и почему меняется русский язык, откуда берутся новые слова и выражения, как на этот процесс влияют исторические события. Одна из самых известных ее книг – "Русский со словарем", в которую вошли смешные и грустные истории из жизни русского языка. В этом году автор выпустила продолжение под названием "О чем речь". Почему во второй книге получилось больше политики, чем в первой, что чувствует сидя в автозаке кандидат филологических наук и как отстаивать в суде право автора писать слово "расп...здй", Ирина Левонтина рассказала в эксклюзивном интервью.

Для немцев аннексия Крыма была страшно похожа на аншлюс Австрии, и на волне острого интереса слово

"СКРЫМИТЬ" ВЛЕТЕЛО В НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

– Ирина Борисовна, в предисловии к новой книге вы сетуете, что она получилась не такая веселая, как первая, много внимания пришлось уделить "не самым приятным персонажам". Я так понимаю, речь идет о российских политиках?

– Ну, это ведь происходит не так, что вот я думаю: надо бы побольше о политиках написать. Просто писала в своих колонках, на что обращала внимание. А как стала составлять книгу, увидела, что, оказывается, постоянно к ним прислушивалась, видимо, еще чего-то ждала. Сейчас уже не так: я больше двух лет не смотрю телевизор, да и вообще как-то стало неинтересно, какие там слова говорят эти люди. Хочется выстраивать свою жизнь по возможности отдельно от них.

– Уже традиционно в декабре Россия выбирает слово года. В этом году победило слово "беженцы". А выражением года эксперты назвали "Немцов мост". Как считаете, прогнозируемо?

– Есть слова, в которых концентрируется время. И если всмотреться в некоторые новые слова, то очень многое можно узнать про жизнь, поэтому так популярны стали конкурсы типа "Слова года". В некоторых случаях это просто, понимаете, какая-то техническая новинка появилась, ей подобрали название, например селфи-палка, селфи-стик. Но часто, когда мы смотрим, какое слово становится словом года, мы можем понять про это время. Российское слово года в этом году – "беженцы", и это слово действительно стало важным, тема была важной.

Или вот "Немцов мост". Это народное название Большого Москворецкого моста, где в феврале 2015 года был убит Борис Немцов – один из самых ярких оппозиционных политиков и просто красивый, обаятельный человек. Он был застрелен демонстративно, рядом с Кремлем, кстати, вскоре после того, как объявил о подготовке доклада об участии России в украинской войне. Власти отказались переименовать мост, запретили создавать мемориал на месте убийства, но люди до сих пор, уже почти год спустя, несут на это место цветы, свечи, портреты, российские флаги. Мемориал разоряют, место "приводят в порядок", флаги срывают, цветы увозят – но люди тут же все восстанавливают, дежурят, охраняя свой мемориал. Так что это место стало такой точкой молчаливого сопротивления – причем прямо рядом с Кремлем. Это правда, что "Немцов мост" – одно из главных слов года. А вот в прошлом году в финальный список "Слова года" попало слово "шубохранилище".

– Речь идет об истории, которую опубликовал тогда Алексей Навальный...

– Да, нашумевшая история. Навальный обнаружил у Якунина шубохранилище (*Владимир Якунин – бывший президент государственной компании "Российские железные дороги". – "ГОРДОН"*). И вот весь абсурд нашей жизни и целый комплекс современных проблем России сконцентрировался в этом слове: что чиновники, приближенные к власти, развели коррупцию невероятных размеров, они какое-то огромное количество денег изымают из российской экономики и уже не знают, куда их девать, вот и делают бессмысленные ненужные вложения – покупают особняки с шубохранилищами. И все это страшно секретно. Когда-нибудь потомки посмотрят на это слово и очень многое поймут про наше время.

– А какие слова могли бы победить в этом конкурсе в СССР?

– Например, если мы вспомним Первый Съезд народных депутатов 1989 года, у меня в книжке про это написано, там ежеминутно звучало слово "привилегии". Вот если бы тогда было "Слово года", точно победило бы слово "привилегии" (ну и выражение "шестая статья"). Тогда была идея: главное – устранить привилегии, чтобы все были равны перед законом, а то некоторые, мол, пока равнее прочих.

Сейчас смешно об этом вспоминать, ну какие привилегии? Сейчас просто есть особая каста людей, которым можно все. Им плевать на мнение общества, они могут запретить что захотят, сделать что-нибудь государственной тайной и посадить человека, который про это напишет. Вот недавно у нас вышел фильм Навального про прокурора Чайку и его сыновей (*Юрий Чайка – генпрокурор РФ, о роскошной жизни его сына Артема Фонд борьбы с коррупцией выпустил фильм-разоблачение. – "ГОРДОН"*), началась прокурорская проверка, но не в отношении героев фильма, а в отношении "Дождя", в отношении Навального. А некоторые статьи Конституции (как 31, например, о свободе собраний) просто де-факто не действуют. Поэтому сейчас какие уж там привилегии? Другая действительность.

– Немецкое словарное издательство Langenscheidt объявило, что в Германии вошло в обиход слово "скрымить", "krimmen". Они перевели его как "подарить, а потом забрать обратно". Почему это слово появилось именно в немецком языке?

– Вообще, прошу прощения, я по-русски слышала только "скрымздить", извините. Хочу сказать, что слово "скрымздить", которое в русском языке появилось, оно имеет другое значение – "отнять незаконно", "отжать" (отжать – слово из уголовного жаргона). И когда начиналась эта история, то именно так говорили какое-то время – отжали Крым. Но потом появились более "подходящие" слова ("возвращение", "воссоединение" и прочие). Ситуация с Крымом ошеломила всех, тем более немцев.

– Почему?

– Потому что было страшно похоже на историю с судетскими немцами и с аншлюсом Австрии. Для немцев это было полное дежавю, и на волне острого интереса слово "скрымить" влетело в немецкий язык. Есть и еще примеры русских заимствований последнего времени, к сожалению, они не очень приятны для нас. Вошли в языки (по крайней мере, точно в английский) "откат" и "крыша". Когда был процесс между Березовским и Абрамовичем в английском суде (*В 2012 году российский предприниматель и на тот момент миллиардер в эмиграции Борис Березовский проиграл иск на \$6 млн против миллиардера Романа Абрамовича, которого он обвинял в нарушении доверия и контрактов. – "ГОРДОН"*), судей поразила логика этих отношений и слова "откат" и "крыша", которые нельзя было даже перевести.

К сожалению, нам чаще удастся обогатить другие языки какими-то негативными понятиями. Но надеюсь, что когда-нибудь Россия станет свободной, и мы будем нести миру что-нибудь хорошее, тогда в разных языках появятся русские слова типа "спутник", а не типа "погром".

Многие люди не знают вообще, что слово "ватник" было ругательством. Они говорят, что ватник – одежда, в которой побеждали в войну и, мол, поэтому мы себя называем ватниками

– Почему слова, которые изначально появились для обозначения врагов – "укроп", "вата", "колорады" – люди начинают со временем использовать как гордые самоназвания?

– У слова "вата" очень интересная история, в которой проявляются нормальные закономерности семантического развития слова. Еще до всех событий появился такой рисованный герой в интернете, похожий на губку Боба, – ватник. Потом, когда начались украинские события и стали искать символы для сторон возникшего противостояния, слово "ватник" как обозначение туповатого носителя российского имперского сознания, полностью зависимо от телевизора, закрепилось. И вот так тоже бывает, находится слово, иногда оно кажется удачным, иногда не очень.

Возник некоторый идеологический протест с российской стороны, интеллигентные люди говорили: "Почему "ватник"? Это слово не подходит". Стали рассуждать, что ватник – это одежда заключенного, в первую очередь, и в том числе она ассоциируется со сталинскими репрессиями, поэтому слово "ватник" должно быть близко интеллигенции. И тогда происходит переосмысление и появляется другая мотивировка: вата – это что-то аморфное, в этом нет сопротивления.

Дальше опять обычная вещь, когда какое-то слово появляется как ругательное наименование, люди во многих случаях его принимают и начинают сами тащить на своих знаменах. Самый известный в истории пример – санкюлоты, бесштанники, которое сначала было ругательством, потом стало самоназванием. Так произошло с ватниками: сторонники имперской государственности стали говорить: "да, мы ватники, я ватник, я ватница". Какие-то провластные модельеры начали шить коллекции ватников и так далее.

И еще одна интересная вещь: произошел процесс, который сам по себе хорошо известен лингвистам, но никогда это не происходило так быстро. Сейчас уже опросы показывают, что многие люди не знают вообще, что слово "ватник" было ругательством. Они говорят, что ватник – хорошая теплая одежда, в которой побеждали в войну и, мол, поэтому мы себя называем ватниками, то есть подменилась еще раз внутренняя форма обозначения.

Менее сложная, но похожая история произошла с укропом. Было сокращение "укр", потом укроп, растение, слово выражало пренебрежительное отношение, но очень быстро это стало самоназванием, появились нашивки с укропом и т. д. Немного другая ситуация с колорадом, потому что насекомое и вообще неприятная штука. И дольше это слово, намного дольше, по сравнению с "ватой" и "укропом", держалось именно в качестве ругательства. Но сейчас уже исследования показывают, что и "колорад" тоже стало для многих самоназванием.

Вот если все хорошо шло – то "в Украине", если плохо – "на Украине"

– Как правильно – "в Украине" или "на Украине"? Сейчас это политический вопрос.

– Язык так устроен, что он, в основном, живет как бы сам собой и люди не очень обращают внимание на то, как говорят. И если что-то меняется в языке, они обычно этого не замечают. Ну вот, скажем, слово – "метро". Слово "метро" было мужского рода, все мы помним, что в песне Утесова "Но метро сверкнул перилами дубовыми, сразу всех он седоков околдовал". Или там – газета "Московский метро". Род поменялся, люди даже не заметили, никому не приходит в голову, что в этом есть какая-то культурная катастрофа.

А со словом "кофе" получилось иначе. Тут вопрос был поднят на принципиальную высоту. Или предлоги: когда появился интернет, было некоторое колебание: "на интернете" или "в интернете". Сейчас победило "в интернете", а с "на" говорят в основном русские эмигранты, на иностранный манер. Но драмы из этого никто не делает.

С предлогом при слове Украина вопрос не просто был поднят на принципиальную высоту, но тут еще вмешалась политика. Действительно, для многих людей, вот когда человек говорит "на Украине", это он, значит, российский империалист, а для других людей, наоборот, если человек говорит "в Украине", это он националист, портит чужой язык, навязывает чужую норму. И действительно, очень много этого в интернете, мне больше всего понравилась шутка, это было давно: "Янукович объявлен в международный розыск. До сих пор не понятно, где он находится: на Украине или в Украине".

Я еще вспомнила одну интересную деталь: до того, как испортились отношения между Россией и Украиной, власти обратились к лингвистам, что, пожалуйста, в порядке дружелюбия, для налаживания контактов признавайте возможность употребления "в Украине" как допустимого варианта. Более того, даже Путин, тогда еще, десять лет назад, случалось, употреблял предлог "в", Путин говорил: "в Украине". Причем это было очень смешно, потому что находилось в прямой зависимости от успешности переговоров по газу. Вот если все хорошо шло – то "в Украине", если плохо – "на Украине". Немножко упрощаю, но некоторая такая закономерность прослеживалась.

Так вот, тогда же многие лингвисты стали отвечать, что есть такой вариант нормы, и если вы ведете переговоры с украинскими коллегами, то зачем вам их раздражать, употребляйте сочетание "в Украине". Даже было написано письмо в ответ на какой-то такой запрос из кабинетов власти. Но потом времена изменились и вопрос стал весьма принципиальным, это старое письмо (в интернете же ничего не пропадает) обнаружилось и, боже мой, что произошло. Последовали жуткие доносы на лингвистов, что вот лингвисты видите они какие... предательство национальных интересов. Стали выяснять национальности лингвистов, у кого-то, о ужас, обнаружили украинские корни. В общем, это какой-то бред.

– Так как же правильно?

– Надо понимать, что колебание между этими предложениями было давно. Если мы возьмем Тараса Шевченко, то встретим у него разные предлоги: "на Украине" и "в Украине". Но в русском литературном языке двадцатого века утвердилась норма "на Украине". Поскольку я являюсь носителем московской литературной нормы, то и говорю "на Украине". И при этом, будучи лингвистом, понимая, что за этим ничего такого не стоит, я спокойно это говорю. Могу себе позволить, потому что моя позиция по отношению к Украине хорошо известна. Так вот – на Украине есть свой региональный вариант русского литературного языка. Подчеркиваю, я говорю не об украинском языке (это отдельный восточнославянский язык, наряду с русским и белорусским), а именно о региональном варианте русского языка. Другое дело, что до последнего времени этот региональный вариант не был кодифицирован, то есть не было специальных словарей украинского варианта русского литературного языка.

Но я думаю, что политическая ситуация приведет к ускорению процесса оформления и кодификации вот этого украинского извода русского литературного языка. То есть появятся какие-то специальные словари, где будут отдельно указаны региональные варианты, утвержденные как нормативные. И на это москвич будет тыкать в Малый академический словарь и говорить: "вот тут вот так написано", а киевлянин будет отвечать: "ничего не знаю, у нас свой словарь, свой русский литературный язык, и тут вот так написано". Ну есть же австрийский вариант немецкого языка, не говоря уже об американском варианте английского. Именно не диалекты, а разные варианты литературного языка.

– А можно на государственном уровне, с помощью закона запретить какие-то слова?

– Практика эта не новая, при императоре Павле I, например, запрещалось говорить слово "гражданин". Чтобы были только подданные, а "гражданин" – это что вы? Это Французская революция на пороге. Но еще чаще идея запретить что-то в языке идет не столько от государства, сколько от народа. Просто люди, я много раз об этом говорила, любят язык, хотят о нем заботиться. Но умеют думать о языке в основном в категориях правильно-неправильно. Недавно был скандал, связанный с включением в словарь слова "блогер". В интервью кто-то из петербургских лингвистов сказал, что в новое издание словаря войдет слово "блогер". Какой шум поднялся! Письма трудящиеся стали писать, требовали запретить.

Я верю, что весь этот морок уйдет и между нашими странами и народами будут нормальные отношения

– Почти два года назад вы вышли на митинг "Нет войне" с голубем мира на груди, а вас забрали в автозак. Что чувствует человек, который в родной стране выходит на мирный протест, никого не трогает, а его забирает полиция?

– Ну что чувствует человек?.. Горечь, бессильную ярость, но не удивление. Надо сказать, тут было важно, что к тому моменту уже возникла некая солидарность в обществе: ты попадаешь в автозак, немедленно посылаешь сообщение в ОВД-инфо (*российский правозащитный медиа-проект*. – "ГОРДОН"), про всех задержанных знают, и ни один человек не потерян. Пытались там как-то запугать, взять отпечатки пальцев, но ничего особо страшного не было. И я пока сидела в этом отделении полиции, ждала, пока заполнят протокол, получала ободряющие смс-ки, в том числе и с Украины. Люди писали: "Спасибо, что вы нас поддерживаете". Кстати, мое задержание показали по немецкому телевидению, и немецкие коллеги тоже волновались. Уже тогда были введены эти огромные штрафы, и некоторые люди, которые хотели бы прийти на митинг и высказаться, так и говорили: "Я не могу рисковать большей частью зарплаты, у меня дети, но я могу привезти воду задержанным или развезти их потом по домам".

– А как закончилась эта история для вас?

– Через какое-то время был суд, и мне даже удалось при минимальном штрафе 10000 рублей добиться, чтобы мне присудили 1000 рублей. Просто мои документы были оформлены очень небрежно. И поскольку у меня есть некоторый опыт судебной лингвистической экспертизы, я просто придралась к тому, что не указано то-то и то-то. В общем, какие-то неувязки я там нашла, и судье нужно было либо отправлять дело обратно, а уже срок истекал, либо оправдывать, а это ей нельзя. Она просто назначила одну тысячу, чтобы я отстала и не обжаловала. Сейчас все стало намного опаснее, "повторное нарушение" на митинге стало уголовной статьей.

– Расскажите, в чем суть профессии судебного лингвистического эксперта?

– Я действительно даю лингвистические заключения по разным делам. Ведь есть много дел, к которым привлекаются лингвисты. Чаще всего это бывают гражданские иски о защите чести, достоинства и деловой репутации. Кто-то написал какую-то статью про кого-то, а тот обиделся и считает, что там порочащие сведения. А ведь не так просто не специалисту разобраться. Или вот смешная вещь, предупреждение изданию, что использовано слово из обценной лексики, там было употреблено слово "расп...здйство", а по закону этого делать нельзя, кроме художественных произведений, если этого требует творческий замысел. И я доказывала, что это литературное произведение и что есть художественная задача.

Но обычно бывает не так забавно. Ужасный был случай, когда хозяйка города, чиновница, обиделась на журналистку, многодетную мать за то, что под ее статьей в обсуждении был комментарий, который она интерпретировала как угрозу. И вот к этой журналистке вломился ночью ОМОН, напугал детей. Чиновница требовала для нее реального уголовного срока. "Угроза" – достаточно серьезная уголовная статья. Я анализировала эту запись, доказывала, что там нет угрозы. И как будто бы это удалось доказать. Женщина не была оправдана, но по крайней мере ей был присужден условный срок, а в практике нашего судопроизводства, когда дают условно, – это, считай, оправдали. И даже без запрета заниматься журналисткой деятельностью, так что, в общем, помогло.

– Чем закончится противостояние Украины и России?

– Хочу сказать для ваших читателей, что я очень люблю свою родину Россию, что я очень люблю Украину, что я люблю русский язык и люблю украинский язык. И я верю в то, что весь этот морок уйдет и между нашими странами и народами будут нормальные отношения. Политики – безумные люди, от них ничего хорошего ждать не приходится, нужно просто махнуть на них рукой и, не дожидаясь, пока они там разберутся, постараться сохранять наши культурные и человеческие связи.